
ИСТИНА

Знание того, что *Бог есть*, и что *Он говорит*, позволяет христианам утверждать существование истины — высшей реальности, которая начинается с Бога и распространяется через Его творение. Христиане верят в то, что человечество может познать истину (то есть реальное положение вещей) через Библию и, по меньшей мере, еще тремя способами.

Истина в «книге» природы. Я увидел, как Бог говорит через творение, в горах Северной Каролины. Как написал один из святых XII века: «Весь видимый мир — это книга, написанная Божьим перстом».¹

Истина через размышления. Также, мы можем размышлять о смысле творения. Христиане верят, что, будучи сотворенными по образу и подобию Божьему (Бытие 1:26), мы наделены свободной волей и способностью логически мыслить. Христианство не представляет собой некую скрытую совокупность учений, отделенных от повседневных реалий, и оно не изолирует себя в какой-то сфере субъективных суждений, которые не могут быть опровергнуты.

В действительности, посредством размышлений мы можем сопоставить практические аспекты христианства и других религий, философий и мировоззрений, что и будет сделано в последующих главах. Мы способны различить, какое из мировоззрений соответствует реальному положению вещей в этом мире, или что есть истина. Честное сравнение приводит к единственному заключению.

Истина посредством совести. Кроме того, Бог открывает истину через нашу совесть. Мы можем отличить добро от зла, поскольку обладаем врожденной нравственной чувствительностью. Именно это имел в виду Павел, когда сказал, что люди одновременно повинуются Божьему закону и осознают, что нарушают его, в силу закона, написанного у них в сердцах (Римлянам 2:15). Не будем забывать, что мы соглашаемся с существованием совести в сердцах не потому, что так говорится в Библии, а потому, что, согласно Библии, Бог таким образом устроил людей. Человеческий опыт учит, что от самого начала времен существовал некий моральный закон, который могут познать *все* люди всех культур.

Например, Кодекс Хаммурапи, содержащий нравственное учение, был написан за семьсот лет до Моисеева закона. Конфуций проповедовал о высокой морали с оглядкой на небеса. Древний грек Пенандр сказал, что истинная свобода — это «чистая совесть». Почти каждая религия в истории человечества в той или иной форме содержала свои Десять Заповедей. Клайв Льюис в книге «Человек отменяется» определил концепцию универсального нравственного закона, который вложен в людей Богом и предвещает пропозициональное откровение, термином «дао».

Однако понимание универсальности этого нравственного закона и способность нашей совести воспринимать его были поставлены под сомнение современным культурным релятивизмом. Вот почему многие молодые люди (даже среди христиан) бледнеют, когда я задаю им вопрос: верят ли они в существование каких-либо нравственных абсолютов? Однако, когда я спрашиваю у них, будет ли правильно, если кто-то украдет у них кошелек, или убьет кого-то только потому, что тот — еврей, или толкнет на улице старушку под колеса машин, к ним обычно приходит прозрение. Несмотря на то, что постмодернистский релятивизм научил их отвергать врожденную нрав-

ственную чувствительность и подавлять свою совесть, они инстинктивно понимают, что все, перечисленное мной, ни в коем случае нельзя считать правильным.

Подобным же образом отличают правильное от неправильного маленькие дети. Когда ребенок находит на улице какую-то игрушку, он спокойно забирает ее себе; как говорится в пословице: «Что упало, то пропало». Но если он выхватит эту игрушку из рук другого ребенка, последний не станет мириться с такой «пропажей», а востребует свою игрушку обратно. «Она моя, и ты не можешь забрать ее!» — скажет он. Уже в столь раннем возрасте дети обладают элементарным пониманием того, что существует некое правило, по которому все мы живем — нравственный закон.

Сегодня в пользу этого закона, написанного на наших сердцах, говорят даже результаты научных исследований. Один ученый из Гарварда обнаружил, что в мозгу есть «область, отвечающая за распознавание определенных проблем в сфере нравственности». По его словам, мозг содержит «универсальную моральную грамматику, некий инструментарий для построения специфических нравственных систем».² Этот профессор, хотя сам причисляет себя к агностикам, приходит к заключению, что нравственность коренится в нашей биологии, или, говоря словами Библии, этот закон записан у человека в сердце (Римлянам 2:14-15).

Вопрос истины

Вопрос истины — общей, познаваемой реальности, существующей независимо от нашего восприятия — это великий водораздел современной западной культуры. Преобладающая точка зрения отвергает такую идею в корне. Самый быстрый способ спровоцировать насмешки со стороны большинства университетских профессоров — упомянуть слова «реальность» и «истина».

Почему же слово «истина» вызывает такую враждебность? Потому что бунтарская человеческая природа противится требованиям истины. Если что-либо действительно истинно, то это должно быть истинно не только для того, кто говорит об этом, но и для того, кто слушает. Реальность же заключается в том, что мы не хотим подчиняться никакой высшей власти (и особенно, если подразумевается, что она исходит от Бога) из страха, что она посягнет на нашу личную независимость. Мы цепляемся за идею, что мы — творцы собственной истины.

Этот конфликт лежал в основе противостояния Пилата и Иисуса — поворотного момента в Новом Завете, когда сознательная слепота человеческой гордости целенаправленно обратилась против Божьего Сына. Во время своей встречи с Иисусом римский прокуратор желает узнать, действительно ли Иисус — царь.

Иисус подтверждает, что Он — Царь, но не земного царства. «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего».

«Что есть истина?», — спрашивает Пилат (Иоанна 18:38). Во всех переводах Библии эти слова приведены в виде вопроса, однако Мэл Гибсон в своем фильме «Страсти Христовы» выступил хорошим богословом, внося собственную творческую интерпретацию. В субтитрах к реплике на арамейском языке ответ Пилата дан с восклицательным знаком: «Что есть истина!» Не ожидая ответа Иисуса, он отверг саму возможность познать истину.

Для образованных римлян, наподобие Пилата, как и для многих интеллектуалов современности, религия была всего лишь проявлением культуры и способом демонстрации политической лояльности. Представьте себе его реакцию на этого претендента на иудейский трон: Иисуса,

заявившего о Своей монополии на истину. До чего самоуверенно! И какая угроза собственным притязаниям Пилата... Он, без сомнения, верил прежде всего в истину римского гарнизона — в силу; ведь сила всегда является прибежищем скептиков.

Иисус же учит тому, что реальность не такова, какой мы ее себе субъективно представляем, и она не обязательно соответствует убеждениям нашей культуры. Существует объективная истина, и мы способны постичь ее с помощью наших чувств. Мы — не какая-то мечта в Божьем разуме, не иллюзия, как учат восточные религии и некоторые философы движения «Нью эйдж». И реальность — это не какая-то сложная программа, загруженная в наше сознание, как показано в фильме «Матрица», некогда очень популярном среди американских студентов. Высшая реальность — это *и есть* Иисус.

Пилатовское отвержение истины мы сегодня встречаем повсеместно. В интервью для журнала «Тайм» у Ричарда Докинза спросили о смысле добра и зла, на что он ответил: «Для меня не имеет смысла даже ваш вопрос. Добро и зло... Я вообще не верю в существование чего-либо, что можно было бы назвать добром или злом. Я думаю, что в жизни просто случается что-то хорошее и что-то плохое».³ Теракты 11 сентября 2001 года не являются по своей сути злом, а помощь жертвам цунами — добром? Абсурд!

И все же Докинз — выдающийся человек. Он знает, о чем говорит. Если добро и зло признать чем-то большим, чем личные субъективные оценки, то это подвергнет опасности его атеистическое мировоззрение. Однако именно существование общеизвестного нравственного закона побудило Клайва Льюиса, который на тот момент был атеистом, обратиться в христианство.

Тем не менее, точка зрения Докинза стала для нашей культуры доминирующей. Так, 63% американцев отвергают возможность постичь нравственную истину. То же самое относится и к 53% евангельских христиан. Среди подростков (а это следующее поколение лидеров) существование нравственной истины признают только 8%.⁴

В этом отношении обманываются даже серьезные христиане. Так, я знаю учительницу из региона «Библейского пояса», которая прошла программу обучения в служении «Тюремного братства». На одном из собраний христианского клуба при своей школе она презентовала 13-недельный курс формирования мировоззрения для подростков. На этот курс записались 43 из 275 семиклассников. Когда учительница дошла до урока 10, в котором сравниваются ислам, буддизм и христианство, дети, как она выразилась, «встали на дыбы» из-за утверждения истинности христианства. Семь из восьми серьезных учеников-христиан, которых она избрала в качестве лидеров групп, отказались учить этому. После горячих дебатов учительница распустила всех по домам, попросив лидеров групп посоветоваться с родителями и молодежными пасторами. Когда они встретились снова через несколько дней, чтобы подготовиться к следующему занятию, все восемь лидеров сообщили ей, что проконсультировались с родителями и несколькими молодежными пасторами. Один из этих пасторов сказал, что никто не может быть уверен в том, что такое истина. Мол, все это — «чистая теория». Другой заявил, что Бог превыше этого узкого представления, а родители обеспокоились тем, что их дети могут задеть чувства других учеников. Одна девочка не спала всю ночь, письменно аргументируя, почему нам не следует обижать других школьников. Моя знакомая увидела, что спорить бесполезно. Все семеро несогласных с ее курсом школьников были непреклонны в своем мнении, и потому она просто отменила занятие.

Если этот случай хоть в какой-то мере указывает на состояние Церкви и христианских семей, тогда у нас — серьезные проблемы. Не будем забывать, что Церковь — это «столп и утверждение истины» (1 Тимофею 3:15). Но если мы, даже в так называемых консервативных церквях, в угоду политкорректности глотаем миф о равенстве всех религий, то кто же будет отстаивать истину? Подобный недостаток смелости, где бы он ни проявлялся, означает конец живой веры. Не воспринимая всерьез истину, мы не будем воспринимать всерьез и Бога.

Церковь и истина

Отклонение от истины исторической христианской веры в европейских и основных американских церквях влияет даже на серьезных, ортодоксальных верующих. Молодое поколение евангельских христиан в быстрорастущих новых церквях, или «постмодернистское христианство», поднимает ряд важных вопросов. Молодых лидеров раздражают церкви, которые, обладая значительными ресурсами, оказывают мало влияния. Они видят, что евангелические общины все больше и больше впадают в западню «культурного христианства». Слишком многие из нас, — говорят они, — уверены в том, что христианство заключается в интеллектуальном согласии с планом спасения как средством обеспечения нашей вечной участи, за которым следует посещение богослужений до конца наших дней. Это, воистину, — вера без дел, которую Иаков назвал мертвой. И тут молодые евангелисты совершенно правы, и мы можем у них поучиться.

Новые церковные лидеры хотят восстановить истинное библейское видение, согласно которому Божья роль в истории заключается в искуплении всего творения. Иисус Своим служением, смертью и воскресением провозгласил установление вечного Божьего Царства. Хри-

стианская жизнь требует не просто согласия со значимостью Христа, но нашей готовности присоединиться к Христу в исполнении Его миссии. И с такой точкой зрения я полностью согласен.

Однако здесь есть одна загвоздка. Эти евангелисты служат молодым людям, сформированным нашей постмодернистской эпохой. Поскольку фундаментальное убеждение постмодернистов заключается в том, что познать истину невозможно, сегодня молодежь противится прямой демонстрации христианской веры и ее этического подтекста. В результате некоторые молодые евангельские лидеры начали акцентировать внимание на практической жизни и методиках косвенного свидетельства. Для их богослужений характерны использование иллюстраций из реальной жизни, обилие визуальных (зачастую — мультимедийных) эффектов, современная музыка и открытое приглашение к дискуссии. По сути, в этом нет ничего плохого; за тридцать лет поездок по тюрьмам мира я повидал все мыслимые способы проповеди Евангелия в каких угодно обстоятельствах.

Тем не менее, понимать образ мышления аудитории вовсе не означает подстраиваться под него, — особенно, за счет донесения истины. В рамках преимущественно конструктивного молодого церковного движения существует группа, известная как «новое сообщество».⁵ Боюсь, некоторые из ее лидеров сами стали пленниками постмодернистского скептицизма. Они считают, что традиционная апологетика, которая слишком сильно опирается на «модернистское» мышление эпохи Просвещения, — это не более чем «сухие, пыльные доктрины». Часть из них уверена в том, что Церкви следует отказаться от доктринального учения (и даже от Библии, по мнению ряда новых лидеров) ради представления христианства в виде большой исторической картины, в которой могут обрести смысл все наши личные истории и жизненный опыт.

Подобная концепция церковной жизни и отказ от преподавания доктрин не ведет ни к чему иному, кроме утверждения внутри самих церквей агностицизма — учения о неспособности познать истину. Кроме того, она дает нам удобный повод не касаться тех неприятных вещей, о которых иногда должна говорить любовь.

Существуют и другие потенциальные угрозы. Когда жизнь церкви ограничивается лишь постоянным диалогом, в ней быстро возникает культ лидеров, поскольку только они обладают полномочиями приспособлять дискуссии под свои собственные планы. С другой стороны, если вера базируется на истине, то кто угодно может призвать лидера к ответу.

Хотя распространение в евангелическом мире «культурного христианства» — это, несомненно, постыдный факт, диагноз проблемы, поставленный постмодернистским христианством, оказался неточным. Христианское вероучение становится сухим и пыльным только для тех, кто не принимает его посредством живой, действенной веры. Заявление о том, что Бог во Христе стал человеком, на первый взгляд просто возмутительно. Воскресение же — это или величайшая из всех когда-либо навязанных человечеству мистификаций, или уникальное, разрывающее оковы, попирающее смерть событие, в истинность которого верят христиане. Как пишет Дороти Сэйерс: «Эта догма — настоящая драма».⁶ Если же евангелический мир угодил в западню культурного христианства, заменив истину терапией и создав веру для хорошего самочувствия, то неудивительно, что он утратил драматизм величайшего события в истории человечества. Решение заключается не в отказе от вероучения, а в том, чтобы снова вдохнуть в него жизнь.

Такая неприязнь к доктринам привела к тому, что некоторые постмодернистские христиане приняли на вооружение мантру: «Меньше учений, больше дел». Но подождите! На протяжении более тридцати лет движение

под названием «Тюремное братство» (и я вместе с ним) несет Евангелие в тюрьмы, демонстрируя преобразующую силу Христа, которая способна превратить в святых даже самых отъявленных грешников. Никто не сможет оспорить ценность этих дел. Однако, если учение, в которое я верю, неверно, то все мои усилия совершенно неуместны. Я не могу быть уверенным в том, что мои дела, какими бы они ни были благородными, действительно хороши. Именно вероучение побуждает меня к исполнению дел, когда я отправляюсь в самые гиблые места на свете, и только оно дает мне послание для проповеди. То же самое справедливо для любого христианского движения, в основе которого лежит вера.

В процессе моего непрекращающегося диалога с молодыми евангельскими лидерами я неоднократно поднимал вопрос об истине, на что мне отвечали, что истину можно познать, только открыв для себя воплощенную истину, то есть Самого Христа. Однако без апостольского учения и Библии мы не сможем узнать, кем является тот Иисус, Которого мы для себя открыли.

Здесь не может быть и противопоставления. Когда известный богослов Тимоти Джордж сидит за своим рабочим столом, повернув голову в одну сторону, он видит портрет прославленного мученика Уильяма Тиндейла, который боролся за то, чтобы принести Библию в народные массы. На противоположной стене кабинета Джорджа висит красивая картина, изображающая Христа на кресте. Тимоти указывает на портрет Христа, как на воплощенное Слово, а затем — на портрет Тиндейла, как на защитника написанного Слова. Однако он тут же уточняет, что это — одно и то же Слово. Мы не можем отделить Иисуса от произнесенного Божьего откровения.

Когда Иисус становится заложником личного опыта, Он быстро вырождается до смутной, мистической фигуры, одобряющей наши желания. Представить Иисуса без вероучения — то же самое, что создать образ некоего

абстрактного спасителя, пусть и учителя нравственности, не более авторитетного, чем Конфуций. Вот почему я уверен, что сегодня вопрос истины и возможности ее познания — самый важный для Церкви и, возможно, — для всей культуры в целом.

Почему так важна истина

Истина важна потому, что на кону — суть нашей веры

Путь постмодернистского христианства имеет пугающее сходство не только с ересями ранней Церкви (например, монтанизмом), но и с богословским либерализмом прошлого столетия, приведшим к тому, что некоторые протестанты отказались от фундаментальных утверждений христианского вероучения. Один из современных поборников богословского либерализма, Дин Уильям Ферм, пишет:

Каковы главные идеи либерального протестантизма? Пожалуй, наиболее важная из них — это приоритет личного опыта как наиболее авторитетного источника религиозных убеждений человека. Все доктрины необходимо извлекать из «внутренних переживаний верующих».

В последней строке Ферм цитирует известного немецкого философа Фридриха Шлейермахера, который жил в XIX веке и стал прародителем протестантского либерализма XX столетия.⁷ Не правда ли, эти слова поразительно похожи на доводы, которые мы слышим сегодня?

В начале прошлого столетия этим тенденциям героически противостоял выдающийся лидер консервативного

крыла, профессор из Принстона Грешем Мейчен. Он утверждал, что отказ от доктрин и истины в итоге дает не либеральное христианство, а совершенно новую религию, которую он назвал либерализмом. За последние сто лет мы увидели, как этот либерализм привел к упадку во многих церквях основных деноминаций, а сегодня этой же опасности подвергаются и консервативные церкви.

Отсутствие истины искажает Евангелие

Ослабление нашей приверженности истине создает условия для подрыва устоев Евангелия, при котором никто даже не подает голос протеста. Когда Кэтрин Джеффертс Шори стала председательствующим епископом Епископальной церкви США, журнал «Тайм» спросил у нее о содержании ее молитв о Церкви. Она ответила: «Я молюсь, чтобы мы помнили о том, что главная цель нашей миссии — любить друг друга. Это подразумевает заботу о ближнем и исключает ссоры из-за тонких доктринальных вопросов».⁸ Однако, как мы уже увидели, именно правильное вероучение ведет к любви к ближнему, проявление которой так хочет видеть Шори. А не возлюбив прежде Бога (первая заповедь, которую она проигнорировала), мы не можем любить ближнего с тем постоянством и стойкостью, которых требует этот мир. (Ответ епископа Шори показывает, что существующее в Епископальной церкви разделение вызвано, в первую очередь, не посвящением в духовный сан гомосексуалистов, а отношением к авторитетности Писания.)

Также оказывается искаженной и миссия Церкви. Когда отвергается истина, ее место занимает терапия. Мы учимся справляться со своей болью вместо того, чтобы исцелять ее.

Отвержение истины ведет к библейской безграмотности

Отказ от истины проявляется в широком распространении библейской безграмотности. Социолог Джордж Барна обнаружил, что большинство взрослых людей, активно посещающих богослужения, не признают точность Библии, существование сатаны и безгрешность Иисуса. Многие не видят нужды в евангелизации и верят, что добрые дела — один из ключевых способов убедить Бога простить их грехи. Это было бы очень смешно, если бы не было так грустно, но самым известным среди взрослых и подростков библейским стихом, как оказалось, стал: «Бог помогает тем, кто помогает себе сам», — слова, которых в Библии нет и в помине. На самом деле, это цитата из книги Бенджамина Франклина «Альманах бедного Ричарда» (1757 г.). Когда взрослым верующим были предложены 13 основных библейских доктрин, только один процент опрошенных согласился со всеми тринадцатью или принял их. Похожие результаты давали и мои собственные исследования. Вот почему Барна описывает наше время как «эпоху духовной анархии... когда Церковь разлагается изнутри, уродуемая небиблейским богословием».⁹

Отвержение истины ведет к этической неразберихе

Отказ от истины Божьего откровения подрывает любые попытки разобраться с насущными этическими вопросами, в частности — в отношении сексуальности, которая играет важную роль в жизни каждого человека. Именно в этой сфере мы чаще всего норовим установить свои собственные правила.

Несколько лет назад во время одного молитвенного завтрака на Среднем Западе я познакомился с врачом, ко-

торый активно изучал Писание и был членом здоровой евангельской церкви. Когда мы затронули вопрос гомосексуализма, он сказал мне, что, как врач, считает, что гомосексуалистами движет природный инстинкт и желание, которое должно быть удовлетворено. Как же мы, христиане, можем препятствовать им получать удовольствие, доступное гетеросексуалам?

Подобный аргумент, взывающий к состраданию, я слышал неоднократно. Никто не хочет осудить желание другого человека получать сексуальное удовлетворение. Однако я указал моему новому знакомому, что гомосексуализм противоречит Божьему замыслу, естественному порядку вещей и истине о Божьем творении, о чем сказано в первой главе Послания к Римлянам.

Для того чтобы понять, каким образом мы воспринимаем нравственную истину, важно знать обстоятельства, в которых Павел написал эти строки. Начало Римлянам 1 говорит нам о том, что вечная Божья сила и Его божественная природа четко различимы в Его творении. Так что людям нет оправдания; хотя и познав Бога, они «осутились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце» (Римлянам 1:20-21). Затем в качестве наилучшего примера последствий, к которым ведет отрицание очевидного, Павел приводит гомосексуализм: «То и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте... Женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжились похотью друг на друга» (Римлянам 1:24-27).

Но почему Павел так выделил гомосексуализм? Потому что он считал этот порок наиболее очевидным примером пренебрежения естественным порядком в творении. Однажды на ток-шоу Ларри Кинга этот вопрос задали Риду Уоррену. Он прямо ответил: поставьте рядом обнаженных мужчину и женщину, и вы увидите, какими нас замыслил Бог. (Это был тот редкий случай, когда Кинг не знал, что сказать.)

Существует очевидная взаимосвязь между сотворенным Богом физическим порядком и соответствующим нравственным порядком, который позволяет привести наше поведение «в согласие» с первым. Каждый раз, разъясняя это, я видел, насколько болезненно люди воспринимают мысль о том, что Бог по Своему «пуританскому» произволу якобы лишает людей радости. Многих задевает, что Павел в качестве наиболее явного примера пренебрежения творением использовал именно грех гомосексуализма, хотя он — не более тяжкий, чем гетеросексуальные грехи.

Это также дает ответ на обвинение в гомофобии, выдвигаемое христианству многими молодыми людьми вплоть до того, что все мы должны покаяться. Но я считаю, что такое обвинение неправомерно. Я с любовью служил сотням зараженных СПИДом заключенных, и знаю многих христиан, которые поступали так же. В конце концов, большинство центров борьбы со СПИДом в Америке финансируется католическими благотворительными организациями.

Отвержение истины подрывает культурное развитие

С момента появления Церкви во времена Римской империи христианская вера и вытекающее из нее здравомыслие сформировали величайшую из цивилизаций в истории человечества. Однако в XVIII веке неверующие философы и ученые эпохи Просвещения утверждали, что творение не обязательно объясняется существованием Бога, а значит Он не нужен и для толкования нравственного порядка. По их мнению, править должен исключительно человеческий разум.

Проблема заключалась в том, что разуму без откровения не хватает авторитетности, а это ведет к хаосу и тирании.

Ужасающим подтверждением этого стала история XX века, и особенно — Первая мировая война, Вторая мировая война и Холокост. Кульминацией немецкой философии стал фашизм, едва не уничтоживший цивилизацию.¹⁰ Еще один безбожный философский пришелец — коммунизм — уже также изрядно опустошил мир, и продолжает это делать донныне.

Однако в послевоенные годы западные интеллектуалы не отреклись от влияния фашизма и коммунизма и не вернулись к авторитету веры. В результате они утратили надежду на всякое истинное понимание мироздания, будь то посредством веры или разума, что и положило начало эпохе постмодернизма.

Последствия этого мы видим на Западе повсюду. В отсутствие основания для морали не может быть достигнуто нравственное согласие. Вот почему мы находимся в состоянии непрерывной и постоянно ужесточающейся культурной войны. Права человека и закон, которые когда-то считались данными Богом, теперь утратили свою былую авторитетность. Вместо того чтобы опираться на «природу и Бога природы», как написали наши отцы-основатели, «права» сегодня определяются субъективно. Но если Докинз прав, и не существует добра и зла, то нам не следовало предавать суду нацистских преступников в Нюрнберге, а власть имущие могут делать с нами все, что им заблагорассудится, — от эвтаназии и клонирования до искусственного выращивания детей. Этика становится прагматичной: мы делаем не то, что объективно правильно, а то, что приносит максимум счастья. Вот почему либеральные священнослужители в годы перед Второй мировой войной находились в авангарде евгенического движения, приведшего к ужасающим медицинским экспериментам Гитлера.¹¹

Эти обстоятельства подвергают опасности само существование западной демократии. Если народ не руководствуется совестью и самоконтролем, то государственная

политика неизбежно становится все более жесткой, чтобы предотвратить хаос. Вот почему наши законы разрастаются, как никогда прежде. Это особенно заметно в Западной Европе, где ради защиты прав человека законы детализированы до невообразимой степени. Однако чрезмерно усложненную законность невозможно поддерживать. Это ведет к репрессиям, а затем — к тирании. И фундаментальная причина всего этого в том, что власть изначально не утверждена на авторитете истины.

Отвержение истины ведет к поклонению лжебогам

Когда отвергается библейский Бог, люди избирают себе новых богов. Так, эпоха постмодернизма провозгласила своим божеством светскую толерантность. Когда-то это понятие означало уважительное отношение к любой точке зрения, свободно обсуждаемой в процессе общего поиска истины. Однако девиз нового бога толерантности гласит, что познать истину невозможно. Таким образом, каждый волен мыслить и поступать так, как ему вздумается, за одним исключением: люди, обладающие смелостью верить в то, что они знают истину (и особенно если они думают, что эту истину им открыл Бог), не могут рассчитывать на толерантное к себе отношение. Как следствие, те, кто возвел на престол бога толерантности, стали единовластными арбитрами культуры. А новый бог под личиной либерализма превращается в абсолютного тирана.

Сегодня публичная поддержка светской толерантности уже стала новым политическим ритуалом. Во время выборов кандидаты проявляют чудеса лавирования, умудряясь не задеть ничьих чувств за счет отказа от своих убеждений, которые они якобы исповедуют.

Бог толерантности ненавидит христиан, заявляющих, что обладают истиной. Но больше всего ему нестерпимы христиане, которые подтверждают обоснованность таких

заявлений. Начав с Хьюстонской тюрьмы, служение «Тюремного братства» сегодня по всей стране внедряет программы для заключенных — своеобразные «духовные лагеря для новобранцев». Мы с самого начала стремились к тому, чтобы эти программы демонстрировали истину Евангелия через преображенные жизни людей. И первое исследование, проведенное среди участников в 2003 году, подтвердило правильность выбранного нами курса. Анализируя результаты, ученые из Университета Пенсильвании отметили, что среди выпускников программ повторно оказываются в тюрьме только 8 процентов против обычных 20 для сопоставимой контрольной группы и 67 процентов для страны в целом. Начальники исправительных учреждений были потрясены.

Это было первое полученное опытным путем подтверждение того, что основанный на вере подход к исправлению поведения является истинным, или, говоря иначе, что Евангелие есть истина. Когда стали известны эти результаты, Барри Линн из «Общенационального союза за отделение церкви от государства» подал на «Тюремное братство» в суд.¹² Подтверждение истинности наших заявлений оказалось оскорблением, которого толерантность стерпеть не могла.

Почему же истина так важна? Потому что Церковь, если она не на ее стороне, просто не может быть Церковью. Иисус пришел как поборник истины и сторонник тех, кто подвизался за истину. Не осознав этого, Церковь неспособна даже проповедовать Евангелие. Без истины она начинает заниматься терапией, и обретает пациентов, а не учеников.

Во многом, уклонение западного христианства от истины и смягчение нашего свидетельства мотивируется благими намерениями — не осуждать и не задевать ничьих

чувств, ощущать себя лично ближе к Богу, а также сделать христианство более востребованным и культурно приемлемым.

Однако история христианства, включая сегодняшний всплеск веры в странах третьего мира, демонстрирует обратное. Хотя мы всегда стараемся быть чуткими к другим культурам, мы не можем быть поглощены ими. Первые христиане, ухаживавшие за жертвами эпидемий, определенно не перенимали языческую культуру. Равно и не пытались они повысить значимость христианства и расположить к себе сердца жителей империи. Они просто жили согласно истине их веры, которая заключается в том, что каждый человек сотворен по образу Божьему, а значит, обладает достоинством.

Задача этого поколения (да и любого другого тоже) — понять христианство как целостный взгляд на мир и место человечества в нем, — то есть, как истину. Если христианство — это *не* истина, то оно — *ничто*, а наша вера есть просто сентиментальная чушь.

